

Акунина, который хорош уже тем, что ни на что не претендует, никого ничему не учит, а просто зарабатывает на жизнь. Да, граф Толстой, вернее, все графы Толстые на жизнь зарабатывали совсем иначе. Никто из них не говорил, что «Война и мир» или «Хождение по мукам» для заработка. А ведь был заработка, и немалый.

Итак, Акунин породил Эраста Фандорина, Фандорин еще кого-то, а тот в свою очередь породил еще кого-то, и так получился правнук Эрастик по прозвищу Ластик. Прозвище получи-

лось оттого, что ребенок роковую букву «р» не выговаривал и в детском саду на традиционный вопрос: «Мальчик, как тебя зовут?» — ответил: «Эластик». Так и получился Ластик. Мягкий такой, маленький, чистенький. Детство Ластика поначалу ничем не отличалось от литературных детств примерных мальчиков. И хотя мы из эпохи Вольки ибн Алеши плавно перешли в эпоху Гарри Поттера, с акунистским Ластиком происходят вовсе не волшебные и магические, а научно-фантастические приключения. Оставим в стороне фрейдистские аналогии, которые сами собой напрашиваются. Ясно, что символизирует этот Ластик и почему он по неумолимым законам психоанализа обязательно полезет в дыру-туннель.

Явился некий заграничный родственник фон Дорн (вот откуда фамилия Фандорин!) и изложил ребенку очередной вариант библейской истории про Адама, Еву и яблоко. Нет, конечно, никаких интимных подробностей. Просто то самое яблоко в виде крупного алмаза блуждало по земле и творило всякое зло, но потом его отловили и закопали на Голгофе, отчего согласно Акунину зло резко пошло на убыль. Но во время Крестовых походов один из Фон Дорнов яблоко откопал, и тем все испортил. И вот теперь придется Ластику исправлять ошибку предка. Должен он ни больше ни меньше, как пролезть сквозь дыру времени, которая находится в районе Солянки, и найти своего прадеда-сыщика. А уж тот непременно отыщет яблоко-алмаз, оказавшееся к тому времени в нашей столи-

Кто протиснется в дыру времени?

це. Вот и вышло, что мальчик-с-пальчик Ластик — единственный на земле спаситель мира, потому что дыра во времени узкая-преузкая, и больше никто из Фон Дорнов в нее не протиснется. Есть, правда, в Америке еще один потомок, но он все время попкорн ел и растолстал не по возрасту.

Весь дальнейший ход событий ничем не отличается от многочисленных путешествий по многочисленным дырам, которые никогда не кончаются, и чем их больше — тем лучше. Для детей. У взрослых же от бесконечных повторов начинается легкая, а иногда и тяжелая мигрень. Вернее, раньше начиналась. Теперь же, как выясняется, мамы, папы, дедушки и бабушки с удовольствием впадают в детство и взахлеб читают всех этих толкиенов-коэлью-мураками. Акунин ближе всего к последнему. Заразительная серийность предпримчивого японского беллетриста действительно заразила япониста востоковеда Чхартишвили, и гот стал Б.Акуниным. Муракамство вплоть в европейскую культуру с Востока, а толкиенство с Запада. И на этом опасном стыке двух материковых плит возникла волна мураками-циунами. Б.Акунин — это один из гребешков той волны. Захлестнет ли эта волна всю литературу или, когда она отхлынет, что-то еще останется, покажет время. Сейчас на нас надвинулось целых три бурунчика от Чхартишвили. После «Детской книги» последуют фэнтази и триллер.

Конечно, преуспевающий беллетрист откровенно издевается и над собой, и над читателем, и над критикой. Вы этого хотели? Вы

этого хотите? Очи бачили, что покупали — ешьте, чтобы повылезали. А очи не бачат. Читатели с удовольствием глотают откровенные книжные мистификации и просят еще и еще. Я даже не могу припомнить подобного precedента в литературе. Нечто похожее, правда, было во Франции на литературном конвейере Дюма. Хотя там не один автор трудился, а целые цеха гнали ходовую продукцию. Но в результате бессмертные романы «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо». А тут один человек трудится за себя и за того парня и уже создал неумирающего Фандорина, а теперь и его правнука. Причудливы и неисповедимы пути русской литературы.

И все же легкая грусть по совсем еще недавнему восприятию литературы, как откровения, нет-нет да и захлестнет до горла. Прочел Паустовского и словно после грозы надышался. Прочел Шаламова, и дыхание перехватило от боли и муки. Прочел Венечку Ерофеева и до слез со всей читающей Россией смеялся. Теперь не то. Теперь после чтения требуется другое чтение, а там еще и еще. Книжные сериалы соревнуются с телевизионными. Жизнь и литература становятся серийно серыми. И чем пестрее обложка, тем серее литература.

Но я твердо верю: откровение еще вернется в литературу, потому что дух дышит, где хочет, и где не хочет.

Константин КЕДРОВ

Рус. Курьер. — 2005. — 8 февр. — с. 12—13.